

Время МН. - 2003. - 11 июня. - с. 7.

Афоризм подобен Диогену — в отказе от всего лишнего

Воистину за тридцать лет эмиграции художник Вагрич Бахчанян превратился в миф. Герой баснословных легенд, рассказов Довлатова, Лимонова, мемуаров и притч Вайля и Гениса, многих других, он стал чем-то вроде героя античных времен. И вот он в Москве, куда приехал в связи с выходом своих книг.

Беседовал Игорь Шевелев

— Вагрич, уехав в Америку в 1974 году, вы оказались там, судя по воспоминаниям многих, среди самых известных в эмиграции людей — Бродский, Довлатов, Вайль, Генис, Лимонов, Кузьминский...

— С Бродским я был знаком, но близким другом не был. С Довлатовым был в более или менее дружеских отношениях, часто виделись, регулярно разговаривали по телефону. У него даже возникла идея издать «книжку на троих»: я, он и Наум Сагаловский, поэт, живущий в Чикаго. Лена, жена Довлатова, набрала книгу, а издать должна была в Париже Мария Васильевна Розанова. Тут возникли сложности. Дело в том, что Мария Васильевна не отвечала на письма. Сергей послал ей в письме открытку с обратным адресом и анкетой с просьбой подчеркнуть нужное: издам книгу; не издам; никогда не издам; может, издам, но позже. Наконец спустя долгое время книга вышла, но опять-таки никто ее не увидел, потому что Мария Васильевна распространением не занималась. Мы получили по десять авторских экземпляров, Виктор Платонович Некрасов, который тогда еще был жив, написал очень хорошую рецензию на нее в Париже, несколько штук ее дошли до Москвы — и все. Называлась книжка «Демарш энтузиастов».

— А сейчас ее переиздать не пробовали?

— Нет, тексты из нее есть в книжке «Мух уйма», которая сейчас вышла в екатеринбургском издательстве «У-Фактория», довлатовская проза тоже вся напечатана. Но это единственная книжка, в которой Довлатов был с кем-то под одной обложкой. Я, честно говоря, не слишком верил в затею, а Сергей загорелся. Это было после краха «Нового американца», у него не было работы, сплошные распри и войны, которые Сергей очень тяжело переживал. Он не прощал измены. Вроде бы уже и разговаривал с людьми, и простил их, а все равно помнил и, когда выпьет, начинает припоминать старое. Это в нем было — память на предательство и измену.

— У Довлатова тогда не было постоянной работы, а у вас была?

— У меня за все время была одна постоянная работа — чуть больше года, — когда после «Нового американца» Вайль и Генис создали еженедельный журнал «Семь дней». Мы его делали практически втроем. Я художник, они редактировали. Занимал он практически все время, денег не приносил, так что это была очень странная работа. Вайль и Генис были тогда в ссоре с Довлатовым, и как раз, когда издавался журнал, я их помнил, и Довлатов тоже стал печататься в «Семь дней», давал туда эссе.

— Из чего можно понять, что ссоры в эмигрантской среде возникали постоянно даже среди лучших ее представителей?

— Я думаю, это связано с тем, что многие приезжают в Америку с определенными планами и надеждами, из которых не все сбывается. И тогда люди начинают искать причину неудач вне себя. Если кто-то подвернется, можно сказать неприятные вещи, поругаться. Я, например, знаю, что в том, что я не реализовал себя, виноват я сам. Но не все, наверное, могут в этом признаться. Лег делься назид из Израиля в Нью-Йорк приехал художник Михаил Гробман. Он со многими был знаком и поразился, что тот не разговаривает с этим, а к тому нельзя пойти, потому что те обидятся. И он сказал: «Я всех помню». Я говорю: «Попробуй». В итоге он чуть ли не при мне, начав кого-то мить, угодил в драку как ее виновник.

— А ощущение своей нереализованности сильное?

— Конечно. Когда мы ехали, мы не были хорошо информированы о происходящем, были идеалистами. Я, например, считал, что если я делаю коллажи и рисунки лучше, чем тот, кто печатается в каком-то издании, то меня будут печатать вместо него. Глупость, конечно. Хотя я «Литературке» в первые годы «Рогов и копыта на 16-й странице» многие материалы шли из почты или их приносили люди с улицы, если это было интересно. То есть не имело значения, начинающий это автор или именитый. Кукрыниксы, приносили рисунки, очень комплексовали по этому поводу. Я их работы ценю, особенно ранние шаржи, но однажды они принесли довольно вялые рисунки. Илья Петрович Суслов, который их принимал, мялся, потом говорит: «Ну, оставьте». Они ушли, а через несколько минут его вызывает Чакковский. Оказывается, они пошли жаловаться главному редактору. Суслов возвращается злой, раскрасневшийся: «Чак заставил печатать...» А я сидел там и говорю: «Да гоните их в три шеи!» Три шеи Илья Петровича развеселили, и он немного отошел. Правда, Кукрыниксы не слышали.

— Понимаю, что некорректный вопрос, но все же: не жалеете, что уехали?

— Судить об этом сложно, потому что два раза в одну и ту же реку не войдешь. Были бытовые сложности: нам с женой негде было жить. Сказать, что я уехал по политическим мотивам, я не могу. Тот же Суслов, например, одергивал меня, говоря, что в большой комнате «Литературки», где делалась 16-я полоса, были подслушивающие устройства. Я говорю: «Илья Петрович, мы столько всего интересного говорим, может, хоть стенограммы когда-нибудь напечатают». Потому что, когда собирались несколько постоянных шутников — Арканов, Брайнин, Владин, Песков, то начиналось соревнование акынов: кто смешнее скажет. Наверняка на Лубянке об этом знали.

— Вас не вызывали?

— В Москве не вызывали. А когда жил еще в Харькове, то был так называемый товарищеский суд «за связь с иностранцами». Я пытался, обойдя все инстанции, выставить в Париже свои работы. Что частично удалось, и меня вызвали. Это 63-й год, об этом пишет в «Молодом негодяе» Лимонов, описывая тогдашний круг наших друзей. А когда уже в Москве Лимонов расписался в загсе со Шаповой и должен был получить прописку, его вызвали на Лубянку. Он после этого посещения зашел прямо к нам, весь зарумяненный и несколько напуганный. И он говорит: «Знаешь, Вагрич, какой мне вопрос задали первым?». Я говорю: «Какой?». — «Почему ваш друг Бахчанян так ненавидит советскую власть?». — «И что ты ответил?». — «Я сказал: потому что у него нет квартиры!».

— Ну, в Нью-Йорке вы квартиру получили...

— Да, Генис об этом пишет в предисловии к книге: квартирный вопрос у утряс, а остальное не очень... Последней каплей стала история, когда Лев Николаевич Токарев, толковый специалист по французской литературе, работавший в «Литературной газете», получил квартиру в новостройке, и освободилась жилплощадь, которую он занимал в коммуналке. И он говорит: «Бах, эта комната отдается «Литгазете», попробуй, может, тебе дадут?». Я пошел к Веселовскому, заведующему отделом юмора, тот написал заявление на имя Чаковского. Чак держал его дня два или три, а потом вернул, не подписав. Ну, отдали бы эту конуру кому-нибудь другому, я бы не обиделся, а то ведь она просто городу отошла. Как ни странно, это стало последней каплей.

— А в Америке было ощущение, что еще немного и все будет хорошо?

— Нет, была безнадега. Нью-Йорк — это Вавилон. Есть русские гетто, есть множество других гетто, они не соприкасаются. Довлатов с помощью Бродского пробыл в журнал «Нью-Йоркер», издал несколько книжек. Его заметили, Воннегут о нем написал, была рецензия

Я знаю, что в том, что я не реализовал себя, виноват я сам.

на первой полосе в «Бук ревю», кто-то написал в «Нью-Йорк таймс» о «Новом американце». Но все равно, повторить подвиг Набокова ему не удалось. Может, если бы он еще немного пожил, о нем стали писать, не знаю. Но в целом это было похоже на авантюры людей, которые бросились в неизвестность, считая, что хуже не будет. Проиграли они или выиграли, не скажу. Я думаю, что, если бы остался, то и здесь для меня ничего хорошего не было бы. Много друзей умерло. Жизнь была сумасшедшая: когда в газету ни придешь, все время выпивали. Здоровье у меня было некрепкое. Не пить вроде бы нельзя. По рюмочке, по рюмочке. И уже чувствовал, что это становится системой, многие спивались. Так что не знаю.

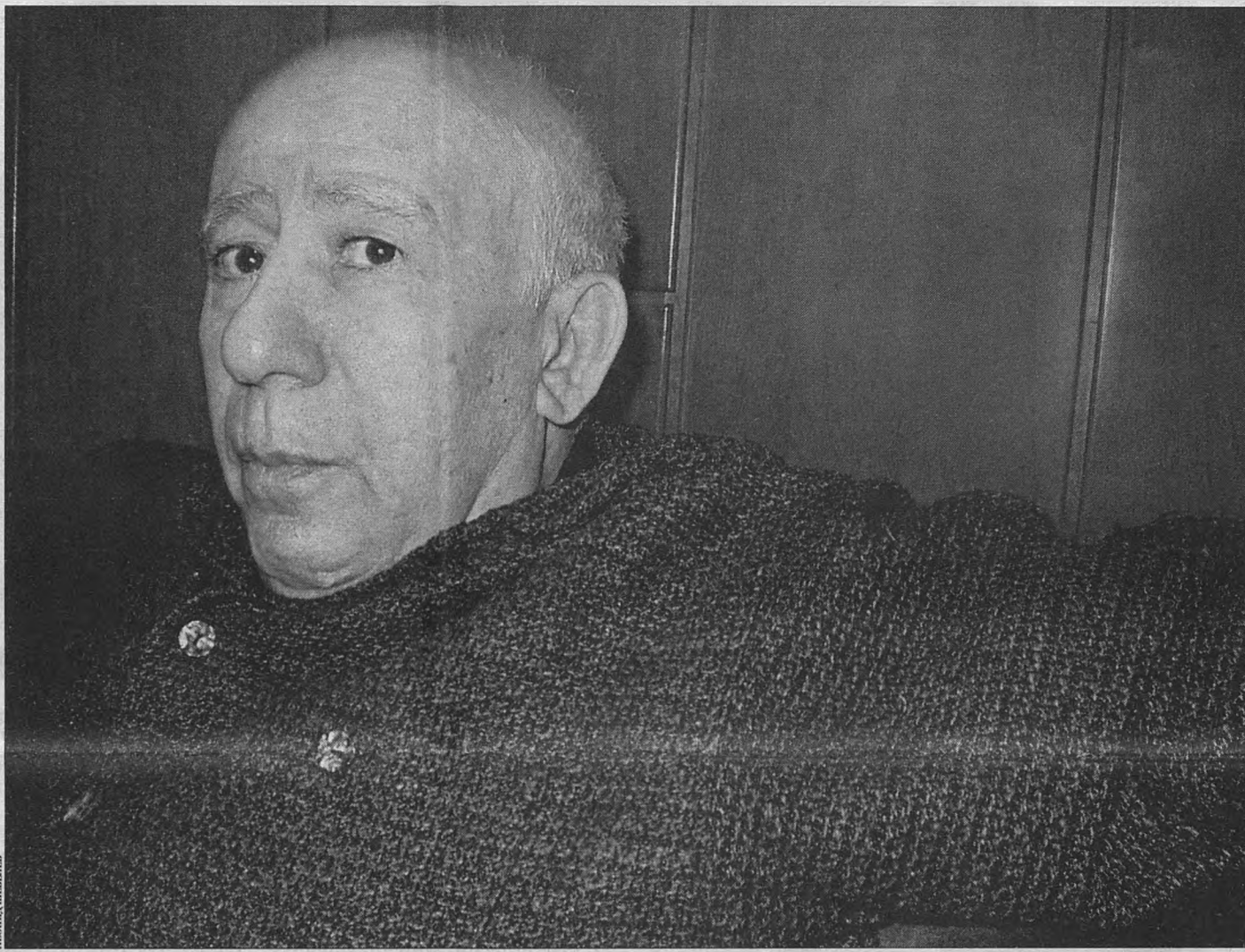
— Но работать продолжали всегда?

— Безусловно, и у меня накопилось в Нью-Йорке огромное количество работ. Текстов минимум на четыре книжки — песни, абсурдизмы. Делал обложки для журналов. Но Горбачев похорошил эмигрантские издания. Магазины завалены русскими книгами, которые везут отсюда, это намного дешевле, да и книги, между нами говоря, делаются

здесь лучше. На презентации книги «Мух уйма» в клубе «Муха» повесили картинку, из которых в книгу вошло не больше трети. Есть целая серия обложек, зарубленных авторами. Причем зарубленных явно не по эстетическим соображениям. Юз Алешковский зарубил обложку «Карусели». Стал настаивать, чтобы я изменил какие-то несущественные детали: «Если не переделаешь, я сам сделаю». — «Ну, делай». Он написал фломастером «Карусель. Юз Алешковский».

— Ревность, что обложка перети-нет на себя текет?

— Довлатов не хотел моей обложки именно потому, что будет слишком ярко. Сам нашел из какого-то анонимного рисунка — чемодан и зонтик, написал «Чемодан» и все. При этом всегда хвалил мою обложку к другим книгам, которые ему нравились. Я сделал обложку «Палисандрии» Саши Соколова для издательства «Ардис». Постарался, книга нравилась, к автору отношусь хорошо. Издателью обложка подошла, прислали

Вагрич Бахчанян — легенда и по ту, и по эту сторону океана

денги. Только, говорят, Саше покажем. Через две недели звонят: «Соколов не хочет, чтобы была эта обложка». — «А причину назвал?». — «Странная причина, он сказал, что обложка сделана по-бахчаньяновски, а надо по-соколовски». Когда я через три года встретился с Сашей Соколовым и напомнил эту историю, он сказал, что ничего такого не говорил. Но покраснел. На моем счету и писатель Том Кланси. В издательстве «Либерти» выходили переводы его «Охоты за «Красным Октябрем» и «Игры патриотов». Первая прошла нормально, и ко второй я сделал обложку, она уже была отмечана. Речь шла о покушении экстремистов на принца Чарльза, который подразумевался, но по имени не был назван. Я нашел какой-то портрет Чарльза, лицо заклеймил мишенью. Можно было утаить по прическе, по контуру, но лица не было. Издатель напечатал книгу, я взял экземпляр, вдруг приезжает Кланси и говорит, что и намек на Чарльза быть не должно. Я сделал

другую обложку, старую срывали вручную, клеили новую, у меня остался единственный экземпляр. То же с Войновичем. В «Ардисе» было переиздание его «Чонкина», по моему, неплохую обложку, и вдруг она исчезла — Войнович запротестовал. Кончилось тем, что вместо нее поставили титульный лист. Как-то мы сидели с ним рядом на концерте Окуджавы в Нью-Йорке, поздоровались, ну, сидим и сидим. Вдруг его заело: «Ты что, не хочешь со мной разговаривать?!». Думаю, что он с тех пор и начал сам рисовать, чтобы не связываться с такими, как я.

— А нет ощущения какого-то экзистенциального одиночества из-за чрезвычайной и яркой индивидуальности, раздражающей окружающих?

— Я же не могу себя переделывать. Мог бы, наверное, идти на какие-то компромиссы, хотя с трудом это представляю, если бы это кормило меня и мою семью. Но периодическая работа, мизерные гонорары — из-за чего ломаться? Как кто-то сказал: нет непродажных людей, есть недостойные их деньги. Наверное, и я бы шел на компромиссы, но у меня, слава богу, не было искушений, и я остался нордичным человеком.

— А эмиграция как место для писания и рисования «в вечности» годится?

— Место, в общем, неплохое. Но все равно что-то мешает — шум за окном, соседи. Мой любимым героем — Диоген. Я бы тоже хотел жить в бочке. Диоген, как мы знаем, отказывался от всего лишнего — у него была бочка и кружка для питья. Однажды он увидел, как мальчик пьет из источника с помощью ladoney. И Диоген выбросил кружку! Вот идеальный вариант. Думаю, что если бы Лимонов организовал партию киников, «собак», то я, сделав эмблему собаки, первым бы в нее вступил.

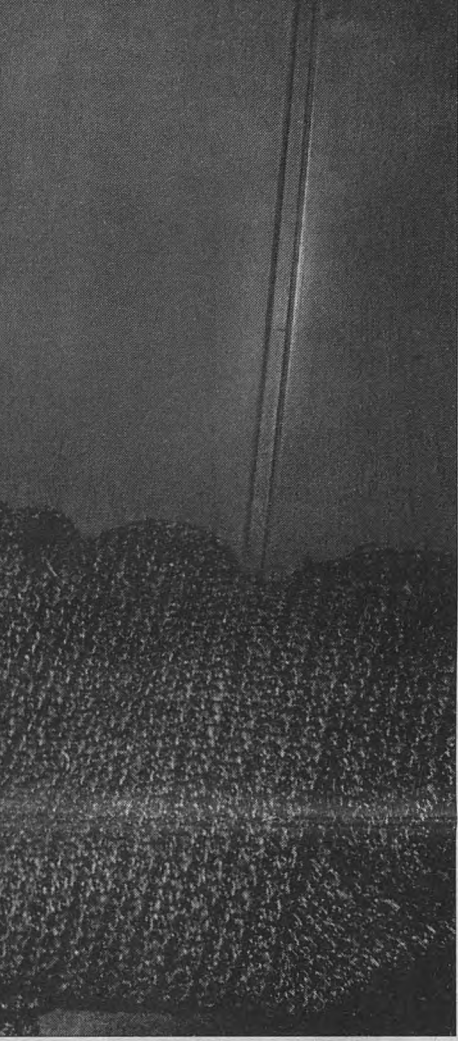
— А реальный его политический выбор не одобряете?

— Не то что не одобряю, а категорически против. И символика их совершенно сумасшедшая — гитлеровско-сталинская. Я знаю многих людей, которые ценят его как поэта и писателя, но отвернулись от него. Он приобрел других ценителей, которые мне мало-симпатичны. У меня такое впечатление,

как бы со мной подобного не случилось. Иногда ведь какая-то игра слов, изменение одной буквы приводит к потрясающей перемене смысла. Вот, между прочим, лозунг партии интеллигенции, которой нет до сих пор: «Вся власть советам!». Как-то Вайль и Генис попросили меня дать им этот лозунг для эссе, которое они написали. «Каламбур» — несколько обидное слово. Лучше — афоризм. Иной афоризм может заменить целую статью или трактат. Но на жизнь это особенно не влияет.

— Кроме получения туманов?..

— У меня еще до отъезда были неприятности с публикациями, особенно с текстовыми. Когда-то в «Литературке» напечатали так называемое произведение «Человек», которое есть в этой книге. Оно состоит из эпитетов. Человек был молодой, здоровый, сильный, крепкий... постепенно переходит в — наивный, глуповатый, неряшливый, неотесанный... а заканчивается — злой, подлый, трусливый, жестокий, старый. Это

Вагрич Бахчанян — легенда и по ту, и по эту сторону океана

напечатали с большим трудом, между прочим, как ироническую прозу. Через две или три недели приходит гневное письмо от старых большевиков. Смысл такой — мы, старые большевики, прочли пасквиль в вашей газете. Мы не стали сразу писать письмо, ждали следующего номера и опровержения. Но его не последовало. Мы сразу поняли, что речь идет о нас. Это мы были молодые, хорошие, а стали подлыми и злыми дураками.

— Потрясающее письмо.

— Да, но надо было на него отвечать, потому что они написали не на 16-ю полосу и даже не главному редактору, а в ЦК. Оттуда передали Чаковскому, Чаковский — Веселовскому, Веселовский спрашивает: «Что отвечать?». Я говорю: «Не знаю. Я же не думал о старых большевиках. Я думал о себе».

— Вот и они о себе думали. С другой стороны, вы — автор афоризмов, которые становились народными, вроде «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

— Вайль и Генис уже писали, что высшая форма признания автора, когда его шутки и тексты становятся фольклором. Хотя, например, на шутку «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» нашлось уже несколько соавторов. Причем известных. Арканов считает, что это он придумал. Недавно Генис прислал мне по Интернету статью Ваншенкина

Лимонов в интервью и книгах не скрывает, что я придумал псевдоним.

из «Знамени», где он пишет, как, сидя и выпивая в 70-х годах на даче, Арсений Тарковский произнес эту фразу.

— А вы когда?

— Я помню, когда я это произнес. Это было в Харькове, еще до переезда в 67-м году в Москву. Только что вышел черный однотомник Кафки. Мы сидели у кафе-автомата, о котором много пишет тот же Лимонов, бузили, пили «биомицин» — «Биле Мицне», знаменитое крымское вино, были «под биомицином». Лимонов, Юрий Милославский,

очень хороший писатель, он сейчас в Канаде, поэт Мотрич, и пришел Толя Мелихов — главный доставатель книг. Он Лимонову достал пятитомник Хлебникова, который тот переписал от руки. И он говорит: «Вот, Кафку купил». И тут же я ему выдал: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

— Будьте осторожны, а то соавторы затопчут.

— Да, но существует такая вещь, как манера или стиль. Все-таки думаю, что эта шутка связана по форме и по манере с другими моими шутками. Уважая Тарковского, я ни одной его шутки не встречал. Здесь Родос, здесь и прыгай! Если сочинил одно, то должно быть и еще что-то. Не исключая его авторства, думаю, что у меня больше шансов его доказать. Вообще бы я выпустил эту шутку в виде отдельной книги с указанием всех ее авторов в алфавитном порядке. Был такой Витя Шапов, первый муж Лены Шаповой, второй жены Лимонова, и было то, что сейчас называется тусовкой. И он мне говорил: «Бах, я слышал потрясающий анекдот в твоем стиле». Я говорю: «Ну, интересно» — «Встречаются Ван Гог и Бетховен. И Ван Гог спрашивает у Бетховена: «В каком ухе звенит?». Я говорю: «Действительно, в моем духе, тем более что я это и придумал». Причем придумал буквально неделю назад, и он тут же распространился.

— Эта пародия на клише предполагает целостную систему мировоззрения, как тот же соцарт. Нет ощущения, что новая жизнь уводит почву для шуток из-под ног?

— Конечно, что-то теряется, пародию можно делать только на стиль. Но все же, думаю, настоящая шутка останется. А потом есть любимое мое дело — абсурдизм. Вот уж чего всегда хватало. Абсурд — вне времени и вне политики. Абсурд может спародировать и поколение, и культуру, и эпоху.

— Не собираетесь писать мемуары?

— Да нет, столько уже всего написано. Кроме Лимонова, где я участвую в качестве персонажа, Брусиловский выпустил две книги, Илья Кабаков, Гриша Брускин, Немухин, Гробман. Это я говорю только о художниках.

— Лучше быть персонажем?

— Да, как кто-то сказал, я выступаю в качестве предмета цитирования и персонажа мемуаров. Пару раз я пытался что-то записывать, но меня сразу куда-то заносит. Это Лимонов — мастер, который может воспроизвести сцену, бывшую десять лет назад. Еще Довлатов, кстати, заметил, что у Лимонова цепкая память, и он помнит детали, которые обычно ускользают со временем. Может, и не помнит, а выдумывает, но убедительно.

— Тот же Нью-Йорк 1980–1990-х годов кажется уже чем-то мифическим.

— О Нью-Йорке тоже написано. Генис написал «Довлатов и окрестности», где много всяких историй, в том числе и обо мне, тем, что я рассказывал Саше о Лимонове и других.

— Не ваш жанр?

— Да, не мой. Я люблю читать мемуары, но писать тяжело. Сразу начинаю лезть в голову разные воспоминания, ты не можешь остановиться. Детство было тяжелое, любимые школьные годы. Школу я ненавидел, детство было уличное. Я жил с отцом и с мачехой, еще было двое сводных братьев. До меня не было дела ни отцу, ни тем более мачехе. Какая-то полуавантюристическая жизнь. Многие друзья потом оказались в тюрьме.

— Последний из которых Лимонов. Неудачная шутка.

— Да, Лимонов. Это уже другой период. Я с Эдиком познакомился, когда ему было 20 лет, он был совсем еще мальчик, красивый, с длинными волосами. Был жутко близорукий, а очки носить стеснялся и признался потом, что нас всех узнавал только по походке, настолько не видел лиц.

— Кто-то сказал на презентации, что вы мыслите книгами?

— Да, но это не я, а Мандельштам придумал. Он говорил, что книга — это не просто сборник стихов или рассказов. Это — книга. И у меня книга часто рождается, как идея книги. Например, «Синяк под глазом». Или «Ни дня без строчки». Последняя вышла у Розановой как годового отчет, а к моему приезду Виталий Паюков издал здесь как отчет о всей эмигрантской жизни. Начинается с первого дня эмиграции и заканчивается днем презентации. Продолжение следует. А что касается так называемой юмористики, то у того же Мандельштама есть слова, меня поразившие. Он недоумевал: «Для чего пишется юмористика? Ведь и так все смешно!».

Действительно, когда начинаешь на все смотреть — на людей, на предметы, на дома, всегда находишь что-то очень смешное. Вы замечали?

Награда

За биографию Александра Пушкина 63-летний преподаватель Оксфордского университета **Ти Джей Биньон** получил одну из самых престижных литературных наград Великобритании — **премию Самуэля Джонсона**.

Финал

В Риге на **национальном детском конкурсе «Евровидение»** победил 10-летний цыган из Сабиле **Дзинтарс Чича**. Он будет представлять Латвию на 1-м международном детском «Евровидении» 15 ноября в Копенгагене.

Встреча

Международная встреча молодежи стран Балтийского региона «**Балтийская звезда**» завершилась **вчера в Калининграде**. Она проходила под эгидой «Центра развития русского языка» и при личной поддержке Людмилы Путиной.

Конкурс

Завтра в Санкт-Петербурге начинается конкурс на соискание **Антиферовской премии**, учрежденной в 1995 году для поощрения лучших современных работ по истории города.

Кино

Премьера сербского документального фильма о Белоруссии «Земля под белыми крыльями» состоится 17 июня в Москве. В основу фильма положено интервью Александра Лукашенко сербской актрисе Иване Жигон.

Надежда

К условно-досрочному освобождению готовится Эдуард Лимонов. Администрация саратовской колонии поддержала ходатайства писателя и его адвоката.